

Все эти исторические коллизии сформировали современный облик города, где установилась ситуация межкультурного диалога, выработался характерный для словаков тип национального мировосприятия на основе толерантности, справедливости, готовности услышать «мотив Другого». Сходные черты характера можно обнаружить и у жителей города Минска, «малой родины» многих белорусов, поскольку их национальное становление на протяжении веков протекало не менее драматично.

Солодовников С. Ю. Применение методологии классической теософии в современной экономической теории: на примере Августина Блаженного, Умберто Эко, Джона Мейнарда Кейнса

Все современные обществоведческие науки имеют в своей основе теософский «генетический» код, который по мере преодоления первоначальной синкретичности подвергался значительным изменениям, иногда искажая первоначальную сверхзадачу научного познания принципов сосуществования природы, общества и человека с целью установления общественной гармонии – «царства божьего на земле». По существу целью жизни многих ученых (и не только богословов) был принцип: служи Науке – служишь Истине, служи Истине – служишь Богу. При этом идеологическая обусловленность когнитивной деятельности считалась априори заданной религиозными догмами. Об этом далеко не всегда говорилось, поскольку мы часто не оговариваем само собой разумеющееся, но это всегда присутствовало.

По мере усложнения исследуемых объектов, развития методологического и категориального аппарата общественных наук произошел объективный процесс их дифференциации. Экономика, после выделения ее в отдельную науку, подверглась дальнейшей дифференциации (этот процесс продолжается и сегодня), в результате чего из нее выделилась экономическая теория (которая сегодня не является чем-то категориально единым, а наоборот, представляет собой совокупность множества конкурирующих теорий, социальных парадигм, доктрин и гипотез) и частные экономические науки. Выделение частных экономических наук теоретически и практически оправдано, поскольку этот процесс отражает усиление разделения и кооперации научного труда в экономической науке. Но это разделение остается правомерным и приносит очевидную выгоду лишь до

тех пор, пока выводы частных экономических наук не пытаются расширить за пределы их предмета и объекта. Вопрос заключается не в том, являются ли эти выводы логически возможными, а в том, до какой степени они соответствуют сущности экономических явлений. Тройное кодирование экономических текстов возникает по множеству причин. Сегодня существует большое количество частных экономических наук, отличающихся абстрагированием от огромного количества факторов, что является результатом чрезмерного увлечения экономико-математическими моделями. Для того, чтобы переложить живой хозяйственный процесс на язык математики, приходится игнорировать неполную рациональность экономического поведения индивидов, неравномерное распределение информации между участниками рынка, изменчивость их субъективных оценок, что серьезно влияет на неустойчивость рыночных цен. П. Б. Струве писал по этому поводу: «Поскольку математическое направление политической экономии ударило в математическую обработку психологических основ экономических явлений, оно применило к многообразному и разнородному миру душевных переживаний совершенно противоречащий его природе прием обезличения» [1, с. 45].

Сегодня любой студент независимо от того, какую специальность он получает, сталкивается в процессе обучения с макроэкономикой. Если у него экономическая специальность, то минимум дважды – сначала при изучении экономической теории, а затем – осваивая собственно курс макроэкономики. Студенты неэкономических специальностей изучают основы макроэкономики в рамках курса экономической теории. Существующая сегодня система получения высшего образования порождает дидактическую необходимость упрощения макроэкономики в вузе. В результате чтение такого упрощенного курса, особенно если читающий его преподаватель является жрецом «культы саморегулирующегося рынка», где государство являет себя в обличье «ночного сторожа», приводит к фактическому противоречию тех представлений, которые получает студент о макроэкономике и экономической позиции самого Дж. Кейнса. Прежде чем развивать свою мысль, дальше приведу слова Ум. Эко полностью соответствующие этому случаю: «Блаженный Августин в труде *De Doctrina Cristiana* («О христианской доктрине») пишет: любое толкование части текста является верным, если подтверждается остальной частью того же текста и ложным,

если вступает с нею в противоречие. В этом смысле внутренняя согласованность текста самостоятельно контролирует без того управляемую интерпретационную энергию читателя» [2, с. 62-63]. А значит правильность или ложность любой трактовки взглядов Дж. Кейнса надо проверять на соответствие всему его вышеназванному тексту.

Ум. Эко справедливо отмечал: «Текст – это ленивый механизм, который требует, чтобы читатель выполнил часть работы за него. Иными словами, текст есть приспособление, созданное, чтобы спровоцировать как можно большее количество толкований» [2, с. 51]. Восприятие, а, соответственно, и интерпретация любого текста напрямую зависят от характеристик самого текста и от подготовленности (компетенции) читателя. Это свойство распространяется на любые тексты. Если же речь идет о тексте экономическом – научном, публицистическом или аналитическом, – то в нем обязательно будет несколько уровней кодирования. В этом плане мой текст не является исключением.

Упомянутый выше Ум. Эко подчеркивал, что «двойное кодирование – не аристократическая придурь, а способ проявить движение к доброй воле и умственным способностям читателя» [2, с. 57], т.е. кодирование – это обязательный атрибут любого научного, публицистического или художественного текста. В отличие от большинства других (в том числе и научных) текстов, в научных и научно-популярных экономических текстах достаточно часто присутствует тройное кодирование. Последнее обстоятельство многократно усложняет определение границ допустимых интерпретаций этих текстов. Остановлюсь на этом подробнее.

После некоторых колебаний я решил рассмотреть тройное кодирование экономических текстов на примере книги Дж. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» и порожденной ею науки макроэкономика. Мои колебания были вызваны фантастическим обилием мифологизированных экономических явлений, каждое из которых заслуживает если не отдельной книги, то статьи уж точно. Например: рынок и демократия (наиболее близкое по смыслу сочетание – слон и трепетная лань), международный трансферт новейших технологий (ну а это сродни веры в деда мороза). Список этих экономических мифов невозможно закончить, т.к. в современной эпохе, эпохе «вселенского обмана» (Ж. Бодрийяр [3] и Ч. С. Кирвель [4]), эти мифы будут плодиться до бесконечности.

Итак, мифологизированных экономических явлений и текстов множество. Но я остановился на работе Дж. Кейнса. Почему? Да потому, что, во-первых, эта книга являет собой начало нового периода в экономической науке, во-вторых, практически любой экономист о ней слышал, в-третьих, на Дж. Кейнса часто ссылаются для подтверждения своих умозаключений и, в-четвертых, очень немногие читали книгу целиком и еще меньшее количество ее прочитавших соотносили ее с историческим контекстом, ей предшествующим, и идеологией ее автора. А последнее архиважно для ее понимания.

В упомянутой выше работе Дж. Кейнс пишет: «Рикардо (теория саморегулирующейся рыночной экономики – С. С.) покорила Англию столь же полно, как святая инквизиция покорила Испанию. Не только его теория была принята Сити, государственными деятелями и Академическим миром, но даже самый спор прекратился. Альтернативная точка зрения совершенно исчезла, и ее просто перестали обсуждать» [5]. Итак, альтернативные саморегулирующемуся рынку точки зрения вообще не рассматривались. Уже интересно. А как же свобода мысли, свобода слова в Великобритании первой трети XX века? Да никак. Кого из сильных мира сего Туманного Альбиона это может волновать, когда речь идет об их экономических интересах? Наблюдательный читатель по-видимому уже и сам догадался, каков будет ответ... Никого! Или почти никого!

Последуем дальше за Дж. Кейнсом, который пишет: «Полнота победы рикарданской теории — явление весьма любопытное и даже загадочное. Связано это с тем, что теория Рикардо во многих отношениях весьма подошла той среде, к которой она была обращена» [5]. От себя добавлю, что, действительно, концепция саморегулирующегося рынка очень близка к обычаям и традициям древних фризов, англов и саксов. Именно потомки этих племен, проживающие на территории Голландии и Англии, первыми создали рыночную экономику, идеальным воплощением которой и стала модель саморегулирующегося рынка. Это не я первым заметил. И не я об этом первым написал. Да и не важно, кто первый. Важно, что каким-то непостижимым образом идеология нескольких народов, модель хозяйствования (дохристианская в своей основе, воплотившаяся в англиканском протестантизме), основанная на их национальных особенностях, стала навязываться всему человечеству как единственно верная. Представляю, как бы удивились сами фризы (пираты, работорговцы и земледельцы в одном лице), если бы узна-

ли, что они породили «общечеловеческую ценность» в виде рынка, где все подчинено росту прибыли.

М. Вебер считал, что именно протестантские религиозные воззрения сформировали «протестантскую этику», породили «дух предпринимательства». Большинство разделяющих взгляды этого ученого (в том числе и те, кто идеологически их не приемлет), упрощая постулаты галликанского (кальвинизм) и англиканского (пуритане) протестантизма, уверены, что «...согласно протестантской религии, работает человека не ради хлеба насущного, а... ради Бога и во имя Его. <...> Чем больше денег ты заработал – тем, следовательно, больше Бог тебя любит» [6]. Вслед за М. Вебером очень многие современные обществоведы повторяют, что «любая религия как важный фактор общественной жизни уже давно потеряла свое значение. Но религии успели сформировать мировоззрение и жизненные установки наций и народов – т.н. национальный характер. Это в равной степени относится и к православию, и к протестантизму» [6].

Попробуем оценить достоверность истинность этих умозаключений на основании вышеназванного подхода Августина Блаженного, т.е. с учетом контекста. Прежде всего рассмотрим идеологическую позицию М. Вебера, которая во многом сформировалась под воздействием его матери, которая имела французские корни и была убежденной кальвинистской. Ж. Кальвин придерживался идеи о безусловном предопределении одних людей к гибели, а других – к спасению. Такой подход в принципе противоречит тезису, что «чем больше денег ты заработал – тем, следовательно, больше Бог тебя любит», ведь твоя гибель, как и твое спасение, предопределены заранее. Ж. Кальвин отличался крайней жестокостью в насаждении своей веры, превратив Женевский кантон в теократическую диктатуру, основанную на казнях за инакомыслие, пытках и доносах. Достаточно вспомнить, что великий европейский гуманист Франсуа Мари Аруэ Вольтер отмечал, что сожжение Ж. Кальвином на костре М. Сервента произвело на него более тягостное впечатление, чем все костры инквизиции вместе взятые. Итак, сам по себе кальвинизм не обещает за трудолюбие спасения, но мать М. Вебера, как и многие протестанты, придерживалась трудовой этики и избегала праздности. Его взросление, происходящее на фоне постоянных споров отца (сторонника житейских радостей) и матери, привело к формированию подсознательного ощущения

того, что именно протестантские религиозные взгляды породили трудолюбие. Таким образом, можно сделать вывод, что не идеи галиканского протестантизма, насажденные болезненным Ж. Кальвином, сформировали философию науки М. Вебера, а его подсознательное ощущение материнской правоты привело к этому заблуждению. Возможно, на эти взгляды повлияла и смерть его отца через два месяца после их серьезной ссоры. Не протестантизм заставил потомков древних фризов, англов и саксов ничем не гнушаться ради наживы, а, наоборот, они выбрали эту религию, поскольку она была им удобна для оправдания их стремления к наживе любой ценой.

Другое заблуждение М. Вебера, по нашему мнению, было порождено увлечением в молодости идеями Г. В. Ф. Гегеля, для философии которого характерно «разворачивание» диалектики в прошлое. Отсюда неправильный вывод о том, что в современных условиях религия не влияет на трудовую этику. Православие порождает в своих сторонниках стремление созидательно трудиться, не быть праздным и не ратовать. Именно в этих своих характеристиках религиозное сознание не только не противоречит идеям пострыночной, посткапиталистической экономики, но и полностью им соответствует, в отличие от социально адаптационных, приспособленческих протестантских концепций.

Вернемся к канве нашего текста. «Рикардианское учение, переложенное на язык практики, – пишет Дж. Кейнс, – вело к суровым и часто неприятным выводам, что придавало ему оттенок добродетели. Способность служить фундаментом для обширной и логически последовательной надстройки придавала ему красоту. Властям импонировало, что это учение объясняло многие проявления социальной несправедливости и очевидной жестокости как неизбежные издержки прогресса, а попытки изменить такое положение выставляло как действия, которые могут в целом принести больше зла, чем пользы. То, что оно оправдывало в определенной мере свободную деятельность индивидуальных капиталистов, обеспечивало ему поддержку господствующей социальной силы, стоящей за властью предержащими» [5]. Хочу подчеркнуть, что проявления социальной несправедливости и очевидной жестокости в процессе становления рыночных отношений (первоначального накопления капитала) в Объединенном королевстве наблюдались за несколько столетий до рождения Д. Рикардо и его учение лишь легализовало «прогрессивность» этого.

Полагаю, что большинство читателей не представляют себе, о чем идет речь, когда говорится о жестокости того периода – издержки сегодняшнего преподавания европейской истории в школе. Поясню это. Голландия была первой в мире, где почти пять веков назад началась промышленная революция. Быстрому росту производства способствовали новые уникальные технологии и практически безграничные рынки сбыта. Нидерланды тогда находились во владении Габсбургов, которые, оставаясь Испанскими королями, были Императорами Священной Римской империи, а также владели другими очень большими территориями в Европе и Америке. В последней Испания награбила столько золота, что в течение XVI века количество этого металла в Европе удвоилась. Итак, есть платежеспособный спрос и есть производственные мощности. Не хватает только сырья для текстильной промышленности – шерсти. Где ее взять? Ответ нашелся быстро – в Англии. Но для этого необходимо было провести огораживание, т.е. согнать фермеров-арендаторов, превратив их поля в пастбища для овец. В результате, как писали в то время английские газеты, «овцы съели людей». Иначе говоря, бывшие фермеры и их семьи превратились в бродяг, поскольку их рабочие руки никому не были нужны. Но если люди не могут работать, но хотят есть (т.е. почему-то не хотят законопослушно умереть от голода), то они воруют. А как же «священное право частной собственности»? И власть имущие находят юридическое решение этой проблемы – за любую кражу вешать. И вешали, да еще как вешали. И за украденную буханку хлеба тоже вешали. Невзирая на возраст. Тут, правда, возникла техническая проблема – под тяжестью маленьких детей петли не хотели затягиваться. Но английская юридическая машина нашла решение этой проблемы. Был оговорен груз, который привязывался к ногам маленьких англичан, чтобы они могли быть повешенными. Повешенных было много, очень много. Так, по приговорам судов при Елизавете Английской, это при ней адмирал Дрейк разбил Великую Армаду, в Англии были повешены десятки тысяч людей. Следует отметить, что во имя прибыли имущие классы Великобритании делали вещи и пострашнее, и покровнее.

Дж. Кейнс прямо указывает, что «однако, хотя сама доктрина (теория саморегулирующегося рынка – С. С.) в глазах ортодоксальных экономистов не подвергалась до последнего времени (до 30-х гг. XX века – С. С.) ни малейшему сомнению, ее явная непригод-

ность для целей научных прогнозов значительно подорвала с течением времени престиж ее адептов. Профессиональные экономисты после Мальтуса оставались явно равнодушными к несоответствию между их теоретическими выводами и наблюдаемыми фактами. Это противоречие не могло ускользнуть от рядового человека; не случайно он стал относиться к экономистам с меньшим уважением, чем к представителям тех научных дисциплин, у которых теоретические выводы согласуются с данными опыта» [5].

Прежде чем перейти к третьему уровню кодирования учения Дж. Кейнса, приведем соответствующую этому случаю цитату Ум. Эко: «когда текст создается не для одного конкретного адресата, а обращен к сообществу читателей, автор наперед знает, что его слова будут истолкованы не согласно его замыслу, но в соответствии со сложной стратегией взаимоотношений в которую вовлечены эти самые читатели, обладающие социальным достоянием в виде языковой компетенции, т.е. знания родного языка. Под «социальным достоянием» я (Ум.Эко – С. С.) подразумеваю не только некий состоящий из набора грамматических правил язык, но всю энциклопедию, то есть сумму тех знаний, что накоплены в процессе использования этого языка: порожденные им культурные традиции и набор всех существующих и существовавших ранее интерпретаций множества написанных на этом языке текстов, включая текст, читаемый в данный момент» [2, с. 67-68]. Из этой цитаты, по моему мнению, следует неоднозначность, вариативность взаимоотношений внутри триады: автор – текст – читатель.

Считаем, что в духе Ум. Эко можно рассматривать текст Дж. Кейнса не как застывший (мертвый) объект, а как живое, постоянно трансформирующееся и до конца не познаваемое явление. Причем эта живость может порождаться и сохраняться только сегодняшним читателем, поскольку Дж. Кейнса уже давно нет, а без него его текст переписывать недопустимо. Приведу в подтверждение правильности моего умозаключения еще одно высказывание Ум. Эко: «Акт чтения обязан принимать во внимание все упомянутые элементы, пусть даже отдельный конкретный читатель вряд ли способен совместить их в себе. Таким образом, каждый акт чтения представляет собой сложную транзакцию между компетенцией читателя (читательским знанием о мире) и тем типом компетенции, которую данный текст постулирует, чтобы быть истолкованным самым «экономичным» образом – так, чтобы интерпретация строи-

лась на максимальном понимании написанного и поддерживалась контекстом» [2, с. 68-69]. Итак, поскольку за примерно 70 лет после первого опубликования книги Дж. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» мир радикально изменился, а, соответственно, мое (как читателя) знание о мире иное, то, опираясь на контекст этой книги, я могу позволить себе ее постмодернистскую интерпретацию.

Поскольку считаем, что достаточно пояснили методологию своих интерпретаций, перейдем к изложению своего видения третьего уровня кодирования в тексте Дж. Кейнса. Как уже отмечалось выше, этот автор прямо указывал на то, что теория саморегулирующегося рынка использовалась для оправдания имущими классами проявлений социальной несправедливости и очевидной жестокости сложившейся рыночной системы хозяйствования, т.е. социальная парадигма саморегулирующегося рынка направлена на апологетику преимущественной реализации вполне конкретных классовых интересов. Он также рассматривал национальную экономику как живой организм. Казалось бы, надо сложить эти два тезиса, и получится очевидный вывод, что роль государства в экономике не ограничивается макроэкономическими целями и задачами, но и направлена на реализацию интересов определенных классов и иных социальных групп. Дж. Кейнс с прозорливостью гения подошел к этой проблеме, почти обозначил ее и даже дал часть инструментария для ее решения. Это и есть третий уровень кодирования текстов Дж. Кейнса. Но дальше он пойти не смог, не смог последовательно развить эту свою идею. Помешала та культурная среда, в которой он рос и жил, классовая принадлежность и, возможно, то, что в тот период на Западе нельзя было писать о классовой дифференциации общества и не быть при этом обвиненным в марксизме. А это обвинение еще длительное время до и после смерти Дж. Кейнса приводило к превращению в изгоя в западной академической и университетской среде. Только на базе современной политической экономии, всегда имеющей национальную и религиозную окраску, можно преодолеть культивируемый сегодня частью научного сообщества и бизнеса «рыночный империализм».

Под последним неоклассическая экономическая концепция подразумевает некую модель «идеального рынка», в которой обмен осуществляется автоматически, а социальные отношения выступают факторами, мешающими этому процессу. Причем правила этой

абстрактной, т.е. выдуманной, модели по-прежнему пытаются распространить на все сферы человеческой жизни.

Литературы

1. Струве, П. Б. Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия». Ответ А.Д. Билимовичу / П. Б. Струве // Экономический Вестник. 1924. – Кн. 3(1). – С. 33-50.
2. Эко, У. Откровения молодого романиста / У. Эко. – М., 2000.
3. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – 5-е изд. – М., 2014.
4. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов: моногр. / Ч. С. Кирвель [и др.]; под науч. ред. Ч.С. Кирвеля. – 2-е изд., перераб. и доп. - Гродно, 2009.
5. Кейнс, Дж. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. Кейнс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://socioline.ru/files/5/316/keyns.pdf>. – Дата доступа: 15.03.2018.
6. Почему они такие? О протестантской этике и американской политике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://politikus.ru/articles/50726-pochemu-oni-takie-o-protstantskoj-etike-i-amerikanskoj-politike.html>. – Дата доступа: 16.03.2018.

Мушинский Н.И. Заводской район города Минска: духовный образ малой родины

Рассматривая Заводской район г. Минска как духовный образ малой родины можно констатировать особую роль религиозных структур и институтов. В текущем году отмечается юбилейная дата его 80-летия. Между тем, ещё в начале XX века на этом месте далеко на выезде из города в юго-восточном направлении («Могилёвское шоссе», ныне Партизанский пр-т) находились только редкие деревни, позднее давшие названия соответствующим микрорайонам (Чижовка, Шабаны).

Между ними располагался реликтовый сосновый лесной массив, находившийся в ведении Русской Православной Церкви (т.н. «Архиерейское урочище»), в советский период после национализации переименованный в Красное урочище. Остатки этого леса в настоящее время сохранились на дворовых и околзаводских территориях, они составляют основу Парка 50-летия Октября, играют важную